

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юхнова И.С. — Музыка в лирике А.Н. Апухтина // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39810
EDN: COUDZX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39810

Музыка в лирике А.Н. Апухтина

Юхнова Ирина Сергеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603950, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ yuhnova1@mail.ru[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.2.39810

EDN:

COUDZX

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является тема музыки и особенности использования музыкальной образности в лирике А.Н. Апухтина. Объектом исследования стали «стихи на случай», дружеские послания и посвящения друзьям-музыкантам, а также стихотворения «Шарманка», «Жизнь», «Судьба. К 5-й симфонии Бетховена». Автор дает историко-культурный комментарий к произведениям Апухтина, анализирует их идейно-художественный смысл, форму. Особое внимание уделено рассмотрению биографических контекстов, обобщению сведений о дружеских контактах поэта с композиторами и музыкантами, о восприятии Апухтиным музыки, осмыслению его эстетической позиции. Другое направление исследования – анализ произведений, в которых музыка становится основой для аллегорического изображения жизненного пути. Новизна исследования заключается в системном рассмотрении темы музыки в творчестве Апухтина. В статье подробно проанализированы произведения, адресованные П.И. Чайковскому, другу Апухтина, показано, как меняется их интонация, настроение от иронии к грусти. Эти стихотворения не только отражают этапы дружеских отношений поэта и композитора – в них дается оценка собственной творческой судьбы. Выявлен полемический план стихотворения «Певец во стане русских композиторов», показано, какие новации в современной опере отвергает Апухтин. Особое внимание уделено стихотворениям, сюжетом которых поэт делает сам процесс восприятия музыки, когда пытается найти словесный эквивалент музыкальному тексту.

Ключевые слова:

Алексей Николаевич Апухтин, музыка, шарманка, Петр Ильич Чайковский, русская лирика, Могучая кучка, русская опера, музыкальный экфрасис, мировоззрение писателя, тема судьбы

Введение

Музыка в жизни и творчестве А.Н. Апухтина занимала большое место, хотя, как утверждают его биографы, поэт не очень в ней разбирался. Между тем Апухтин музицировал (есть фотография, на которой он запечатлен за роялем), постоянно бывал на музыкальных вечерах, концертах, не пропускал оперные постановки, в круг его общения входили известные музыканты и композиторы. И главный среди них – Петр Ильич Чайковский. Но лучше всего об истинном отношении Апухтина к музыке, его таланте слушателя «говорит» его лирика.

Тема музыки представлена в лирике Апухтина в нескольких вариантах. Во-первых, целый ряд стихотворений обращен к музыкантам, с которыми общался поэт, имел биографические контакты; в этих стихотворениях отражается музыкальная жизнь эпохи, споры о предназначении музыки. Во-вторых, Апухтин передает воздействие музыки на душу человека, показывает, как рождается в ней эмоциональный отклик на музыкальное произведение, мастерство исполнителя. В-третьих, поэт пытается «рассказать» музыку – создать словесный эквивалент музыкального текста.

Цель статьи – проанализировать указанные музыкальные контексты лирики Апухтина.

Методы исследования

В статье используются историко-типологический, культурно-исторический методы, элементы биографического метода, приемы мотивного и структурного анализа литературного произведения.

Биографические контексты

Безусловно, главным композитором в жизни Апухтина был П.И. Чайковский. Биографическая канва этих взаимоотношений хорошо известна. Их дружба зародилась во время учебы в училище правоведения в Петербурге: в 1853 г. юноши оказались в одном классе, а после окончания учебы в мае 1859 г. какое-то время служили в одном департаменте в министерстве юстиции. Однако их личные контакты не ограничивались учебой и службой, а имели более глубокий характер. Лето 1863 года Чайковский провел в имении Апухтиных в Калужской губернии. В 1865 году композитор жил в квартире Апухтина в Петербурге. Позже Апухтин останавливался у Чайковского во время поездок в Москву. В 1866 году они совершили путешествие на Валаам. Результатом этой поездки стала «Первая симфония» Чайковского, которая получила название «Зимние грезы». Вторая часть «Угрюмый край, туманный край» и отразила впечатления о Валааме. Лирика Апухтина стала основой для нескольких романсов Чайковского.

Чайковский становится адресатом лирики Апухтина еще в годы учебы. Интересно проследить, как со временем меняется характер адресации и эмоциональный тон стихотворений Апухтина, обращенных к Чайковскому.

Ранние стихи ироничны, полны бытовых подробностей и вырастают из повседневности. В

первом из дошедших до нас стихотворений, адресованных Чайковскому, Апухтин выступает с позиции поэтического «мэтра». И это понятно. В то время Апухтин – подающий надежды и уже обласканный критикой молодой поэт, в нем видят чуть ли не наследника Пушкина. Таким образом, его талант литератора признается не только в училищном кругу, а потому Апухтин позволяет себе наставнические интонации, ведь в alma mater он неоспоримый авторитет, один из редакторов журнала «Училищный вестник». Туда приносит свои стихи и остроумную статью «История литературы нашего класса» П.И. Чайковский. Статья до нас не дошла, а о том, что представляли собой стихотворные опыты юного Чайковского, можно судить по юмористическому стихотворению Апухтина «Гений поэта. П.И. Чайковскому», которое датируют 14 ноября 1855 года: «Чудный гений! В тьму пучин // Бросил стих свой исполин... // Шею вывернув Пегасу, // Музу вздевши на аркан, // В тропы лбом, пятой к Парнасу, // Мощный скачет великан» [1, с. 267]. Здесь речь идет и о технической незрелости, и о некоторой выпренности, ходульности поэтического опуса Чайковского. И если в этом иронично-беспощадном стихотворении дается оценка литературному стилю Чайковского, а свой суд выносит успешный поэт неуспешному, то в последующих стихотворениях интонации будут другие. В них обращается не поэт к поэту, а друг к другу. Грустит о разлуке с ним, скучает, делится своими дорожными злоключениями, и ирония направлена в них на себя, а не на адресата. Чтобы преодолеть горечь разлуки, Апухтин в своих посланиях вовлекает Чайковского в круг общих воспоминаний, напоминает об общей для обоих культурной и дружеской среде. Так происходит в посланиях «Дорогой. П.И. Чайковскому» (15 июня 1856 г.) и «Чайковскому» («Нет, над письмом твоим напрасно я сижу...» (5 июля 1857 г.).

Оба стихотворные послания созданы в Павлодаре, имении Апухтиных, куда поэт отправлялся на летние каникулы, а потому в них значимую роль играют реалии петербургской жизни, позволяющие восстановить утраченную связь с другом. Послания вырастают из конкретной бытовой ситуации, но важна не она, а то, какое воспоминание она рождает. Пыльная дорога, летняя жара, усталость и затуманенность сознания от утомительного пути вызывают воспоминание о катании на лодке по Неве. Реальность и воспоминание соотносятся по аналогии (общее в них – мерное движение, греза), и в то же время они контрастны, так как сейчас это одинокий путь, а в воспоминании – момент душевного единения, гармонии: «Сердце жадно волей дышит, // Негой грудь полна, // И под мерное качанье // Блещущей ладьи // Мы молчим, тая дыханье // В сладком забытьи» [1, с. 71]. Второе стихотворение отличается по настроению и интонации. Оно начинается с сетований о невозможности отправить свое послание другу из-за отсутствия адреса, но постепенно перерастает в ироничный рассказ о дорожных несчастьях, в котором также возникают отсылки к петербургским событиям, бытовым подробностям, понятным только двоим: автору и адресату, появляются слова и прозвища, характерные для их «общего» языка.

Самое известное и трогательное посвящение Апухтина Чайковскому – стихотворение «Ты помнишь, как забившись в «музыкальной»...» (Декабрь (?) 1877). Основой лирического сюжета стало воспоминание далекого детства, которое предстает как пора грез, мечтаний, идеальных планов. В моменты уединения в «музыкальной» и рождается то отношение к искусству, которое определит жизненный путь и Апухтина, и Чайковского и никогда не изменится. Там, в «музыкальной», приходит осознание истинного предназначения и высшей ценности – «искусство было наш кумир» [1, с. 206].

Вспоминая сокровенные моменты прошлого, Апухтин искренне восхищается другом, его цельностью и последовательностью в служении искусству и следовании своему

предназначению: «Мечты твои сбылись. // Презрев тропой избитой, // Ты новый путь себе настойчиво пробил, // Ты с бою славу взял и жадно пил // Из этой чаши ядовитой» [\[1, с. 206\]](#). Характерны скрытые отсылки в стихотворении к лермонтовской «Смерти поэта». Здесь упоминается и «чаша ядовитая», и «рок суровый». А строки «И сколько в твой венец лавровый // Колючих терний вплетено,» – вызывают прямую ассоциацию с лермонтовскими: «И иглы тайные сурово язвили славное чело». Такая цитация может быть истолкована двояко: и как литературная подражательность, несамостоятельность Апухтина-поэта, проявляющаяся в использовании литературных штампов, речевых клише, но и как стремление актуализировать тему неизбежного противостояния гения и толпы, творца и общества, которое завистью, клеветой и злобой уничтожает его.

Это стихотворение не только восхищение осуществившейся творческой судьбой Чайковского. В нем происходит переоценка собственной судьбы, так как речь идет о реализованности таланта Чайковского и неосуществленности собственного поэтического предназначения («А я, кончая путь “непризнанным” поэтом, // Горжусь, что угадал я искру божества // В тебе, тогда мерцавшую едва, // Горящую теперь таким могучим светом» [\[1, с. 206\]](#)).

Известна реакция П.И. Чайковского на это стихотворение – воспоминание о юности, совместной учебе и мечтах. Он получил его, находясь в Италии, в Сан-Ремо и так пишет своему брату А.И. Чайковскому: «Получил сегодня письмо от Лели с чудным стихотворением, заставившим меня пролить много слез» [\[1, с. 398\]](#).

Завершается поэтический диалог поэта и композитора стихотворением «П. Чайковскому (К отъезду музыканта-друга...)». Оно датируется 1893 годом, а при публикации сопровождается таким комментарием: «Написано к отъезду Чайковского в Англию в 1893 г. Опубликовано в связи с кончиной композитора 25 окт. 1893 г.» [\[1, с. 416\]](#).

Апухтина не стало 17 августа 1893 года. Через три дня П.И. Чайковский так откликнется на это известие в письме к В.Л. Давыдову: «В ту минуту, как я пишу это Лёлю Апухтина отпевают!!! Хотя и не неожиданна его смерть, а все жутко и больно. Когда-то это был мой ближайший приятель» [\[1, с. 398\]](#).

В послании другу-композитору поэт использует музыкальную терминологию – то есть говорит с ним на привычном Чайковскому языке, тот самом, на котором он обращается к людям, Богу, универсуму. И оказывается, что о жизни можно говорить и таким образом. Язык музыки используется Апухтиным как аллегория жизненного пути.

Как было отмечено выше, Апухтин живо реагирует на события музыкальной жизни своей эпохи и откликается на них в свете своей эстетической позиции, которая хорошо известна, – он является представителем так называемой лирики «без направления», а его безусловным литературным ориентиром на протяжении всего творчества был Пушкин. По словам В.С. Баевского, Апухтин «остался в стороне от основного пути развития литературы» [\[2, с. 180\]](#), а Н.А. Коварский, отмечая, что в лирике поэта заложены «самые разные, а иногда противоречивые тенденции» [\[3, с. 31\]](#), высказывается более категорично: «...в литературе он одинок» [\[3, с. 19\]](#). А.В. Жиркевич вспоминает слова Апухтина о том, что литератор «должен быть ... носителем высоких нарождающихся идеалов» [\[4, с. 136\]](#). По этой причине он не принимает, например, Некрасова, который, по его мнению, «торговал своей музой и писал сухо, шаблонно и с предвзятыми идеями на заданные темы», «торговал ... талантом, служил спросу минуты», и – заключал Апухтин: «От этого Некрасова уже забывают понемногу, а через 20–30 лет его совершенно

забудут. Такова судьба всех, которые не служат вечным идеалам, а приносят дары минутным кумирам, минутным веяниям. В то время, когда Пушкин будет бессмертен в русской литературе, Некрасовы, Надсоны, Плещеевы – забудутся, и во всяком случае «не стяжают себе вечной славы» [\[4, с. 135\]](#).

С такой же позиции Апухтин оценивает и деятельность «Могучей кучки». В 1875 году он пишет стихотворение «Певец во стане русских композиторов». Название отсылает к известному стихотворению В.А. Жуковского, которое Г.А. Гуковский назвал «лирической песнью о патриотическом подъеме» [\[5, с. 61\]](#). Но если у Жуковского возникал образ пира, на котором воспеваются герои-воины прошлого и настоящего, то стихотворение Апухтина сохраняет лишь внешнюю форму хвалы и представляет собой ироническое высказывание. И эта ирония обусловлена неприятием того, что вносит в музыку «Могучая кучка», полемикой с ней.

В исследованиях о достижениях «Могучей кучки» указывается, что эти «композиторы обновляли формы, воплощающие образность русской современности и истории, искали методы приближения своих произведений к широким слоям общества» [\[6, с. 90\]](#), их «основополагающими принципами ... были народность и национальность. Тематика их творчества связана преимущественно с образами народной жизни, исторического прошлого России, народного эпоса и сказки, древними языческими верованиями и обрядами» [\[7, с. 619\]](#). Новое содержание потребовало новых вокальных форм. Как указывает Ю.В. Келдыш, «в поисках правдивой интонационной выразительности «кучкисты» опирались на достижения Даргомыжского в области реалистической вокальной декламации» [\[7, с. 620\]](#).

Именно этого: народных тем, появления быта, прозы жизни на оперной сцене («Ты, Мусоргский, посредством нот // Расскажешь все на свете: // Как петли шьют, как гриб растет, // Как в детской плачут дети» [\[1, с. 296\]](#)), нового типа вокализма («Одни речитативы!» [\[1, с. 295\]](#)) и «злобы дня» в музыке («Хвала вам, чада новых лет, // Родной страны Орфеи, // Что мните через менуэт // Распространять идеи!» [\[1, с. 295\]](#)) – не принимает Апухтин. В стихотворении упоминаются Римский-Корсаков, Мусоргский, Кюи, Бородин, Рубинштейн, Чайковский. Те оперы, которые составили золотой фонд русского искусства, кажутся Апухтину скучными, способными только погрузить в сон, а не вызвать сильную эмоциональную реакцию, воспринимаются как тупиковый путь в искусстве.

Это стихотворение отражает культурную ситуацию эпохи, поэтому прав был К. Случевский, отказавшийся включать его в посмертное издание стихотворений Апухтина. Как свидетельствует А.В. Жиркевич: «Большие сатирические вещи, как подражание «Певцу во стане русских воинов», не были одобрены Случевским по той причине, что имеют временный характер интереса минуты и были бы ненужным балластом, придающим, однако, особый оттенок музе Апухтина. <...> в будущем и эти стихотворения будут иметь значение в печати как историческо-бытовые справки» [\[4, с. 147\]](#).

Иначе откликается Апухтин на цикл «исторических» концертов А.Г. Рубинштейна, которые состоялись в 1885-1886 гг. в России и Европе. На них была реализована глобальная цель – представлена история развития мировой музыки. В стихотворном посвящении, сохранившемся в альбоме автографов композитора, главную заслугу А.Г. Рубинштейна Апухтин видит в том, что он сумел избежать тенденциозности, сосредоточенности на общественных диссонансах, а представил музыку как выражение общечеловеческих и универсальных ценностей, сумел передать в ней, «Что было дорого отжившим

поколениям, // То, что подобно яркому лучу, // Гнетущий жизни мрак порою разгоняло, // Что жить с любовью равной помогало // И бедняку, и богачу!» [1, с. 247]. Не случайно свое посвящение он начинает с описания того, чего не было на этих концертах: «Ты не описывал их [людей] пламенных раздоров, // Ни всех нарушенных, хоть «вечных» договоров, // Ни бедствий без числа народов и племен...» [1, с. 247]. Так даже «стихотворение на случай» проясняет его понимание сущности и назначения искусства, содержит полемику с теми тенденциями, которые он не принимает в современной ему русской музыке.

Воздействие музыки. Перевод музыкального текста в словесный

Апухтин не только откликается на музыкальные события, пишет стихи на музыкальный случай. У него есть ряд стихотворений, фиксирующих момент, когда слушание музыки перетекает в рефлексию над ней, когда эмоциональное восприятие облекается в слово. Лирический сюжет таких стихотворений – восприятие музыки, воссоздание тех состояний и раздумий, которые она вызывает. Музыкальное впечатление становится исходной точкой, из которой прорастает размышление о том, что такое жизнь, судьба человека, а так как толчком является музыкальный текст, то опорными словами в размышлении становятся музыкальные термины. Такие стихотворения нередко строятся на сопряжении двух мотивов: пути / дороги и звучащей музыки. Общее в них – динамика, движение – и становится основой для аллегии. При этом Апухтин актуализирует ближайшую литературную традицию – стихотворения «Телега жизни» А.С. Пушкина, «Дорога жизни» Е.А. Баратынского, «В дороге» И.С. Тургенева. В стихотворениях Пушкина и Баратынского через аналогию «жизнь – дорога» изображаются разные этапы жизни человека: юность, зрелость, старость. Апухтин же для этой цели использует образ песни. Подобный способ организации лирического сюжета характерен для стихотворения «Жизнь. К П. Апухтиной» (1856). Жизнь в нем определяется как «песня унылая», а ее динамика представлена как смена аккордов: рождение сопровождается «грустным», «простым и длинным» аккордом, аккомпанементом детства и юности становятся «звуков раскаты широкие», старости – «аккорды печальные», финалу сопутствуют звуки «погребальные». Определение «унылая» задает основную тональность – в песне-жизни нет радостного мажора, а ее дополнительной огласовкой становятся диссонансы – вопли, страдания. В целом же жизнь, по Апухтину, это затихающий звук, уход в безмолвие и беззвучие. В поздней лирике жизненный финал у Апухтина будет изображаться через образ лопнувшей струны, и именно его лирика, по мнению ряда исследователей, станет источником знаменитой чеховской детали в «Вишневом саде» [8].

На этом же сочетании мотивов дороги и музыки строится аллегория жизненного пути в стихотворении «Шарманка. М.А. Апухтиной». Образ шарманки для литературы второй половины XIX века типичен и воспринимался как символический [9]. С.В. Алпатов указывает на связь апухтинского стихотворения с «Катериной-шарманкой» И. Мятлева. Он пишет: «Сложившийся в русской культуре первой половины XIX в. и точно схваченный Мятлевым образ повседневности как механической смены серийных «картинок» под звуки одной – некогда привлекательной, а теперь наводящей тоску – «мелодии» был подхвачен и развит в поэзии второй половины XIX столетия. В стихотворении А. Апухтина «Шарманка» (1856) светлым воспоминаниям детства и юности противопоставлена постылая современность с лейтмотивом: "Только слякоть да грязь пред глазами, / И шарманки мотивы в ушах"» [10, с. 163]. Вместе с тем музыкальный фон апухтинского стихотворения гораздо сложнее. В нем соотносятся три звуковых ряда: «чудесные, стройные звуки» рояля, «живая, музыкальная» речь оркестра и мотивы

шарманки. Шарманка – настоящее, рояль, оркестр – то, что осталось в прошлом. Это разные этапы жизни. Рояль и оркестр – всего лишь воспоминание об исчезнувшей гармонии и полноте жизненного существования. Настоящее – набор механических мелодий, монотонный дребезжащий звук, повторяющиеся затасканные мелодии, избавиться от которых невозможно (не случаен повтор фразы: в начале стихотворения «А шарманки мотивы в ушах», а финале – «И шарманки мотивы в ушах»; изменился один союз, но именно это изменение и рождает ощущение безнадежности, тоскливой повторяемости знакомого, избитого, надоевшего).

Таким образом, музыка позволяет Апухтину осмыслить свои переживания, представить свое представление о жизненном пути человека. Но есть у него и такие стихотворения, в которых поэт пытается «рассказать» музыку, найти словесный эквивалент мысли композитора. Показательно в этом отношении стихотворение «Судьба. К 5-й симфонии Бетховена», представляющее собой литературную вариацию главной темы бетховенского сочинения, которую традиционно определяют следующим образом – «так судьба стучится в дверь».

Именно это – зловещую и неумолимую поступь судьбы – старухи с клюкой – передает система повторов: рефрен «стук-стук-стук», ритмический строй стихотворения, «разветвлённая система фонических, стилистических, синтаксических повторов, а также намечающиеся тенденции к использованию музыкальной формы в лирической конструкции» [11, с. 71]. Зловещий контекст усиливается цитатой из пушкинского «Анчара» «Судьба, **как грозный часовой**, / Повсюду следует за нами» [1, с. 134]. То, как воспринято Апухтиным произведение Бетховена, отражает его пессимистические, депрессивные настроения, «чувства растерянного и даже подавленного человека» [12, с. 244], который даже в моменты счастья слышит докучный стук клюки. Немецкие романтики открыли, что «музыка не выражает и не изображает ничего конкретного; она устремлена к предельному и потаенному» [13, с. 384], а «музыка – и произведение, и производящее начало, своего рода *natura naturans*; в этом качестве ее значение далеко выходит за пределы мира звуков» [13, с. 387]. Собственно это потаенное и пытается выразить словесно Апухтин, облечь в слово то, что «выходит за пределы мира звуков».

Таким образом, музыкальная тема в творчестве Апухтина представлена не только как отклик на музыкальные события эпохи, как форма рефлексии (и в этом отношении она может рассматриваться как художественный документ эпохи), но и связана с поиском новых художественных форм, источником которых становится строй музыкального произведения.

Библиография

1. Апухтин А.Н. Полное собрание стихотворений. СПб.: Изд-во «Советский писатель», Ленинградское отд-е, 1991. 448 с.
2. Баевский В.С. История русской поэзии. Смоленск: Русич, 1994. 304 с.
3. Коварский Н.А. А.Н. Апухтин // Апухтин А.Н. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1961. С. 5-53.
4. Новые материалы об А. Н. Апухтине из архива А. В. Жиркевича (публикация Н.Г. Подлесских-Жиркевич, примечания С.В. Сапожкова и Н.Г. Подлесских-Жиркевич) // Русская литература. 1998. № 4. С. 123-157.
5. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М: Интрада, 1995. 320 с.
6. Ермакова С. С., Навасардян Р. Г. О некоторых чертах музыкально-исторического

- феномена «могучая кучка» // Научное сообщество студентов: проблемы художественного и музыкального образования. Вып. V. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. С. 89-94.
7. Келдыш Ю. В. Могучая кучка // Музыкальная энциклопедия. Том 3. Москва: Советская энциклопедия, 1976. С. 619-621.
 8. Спачиль О. В. Поэтическая метафора "звук лопнувшей струны" (А.Н. Апухтин и А.П. Чехов) // Художественная литература как культурный ансамбль. Москва: Издательство «Перо», 2016. С. 164-174.
 9. Сорокина С.П. Шарманка и шарманщики в русской литературе 1840-х гг // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 1. С. 206-227. DOI 10.22455/2500-4247-2021-6-1-206-227.
 10. Алпатов С. В. «Катерина-шарманка»: имя – вещь – знак // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2019. № 2019. С. 157-168. DOI 10.31168/2658-3356.2019.10.
 11. Кузнецова Е. Р. Музыкальный элемент как особенность сюжетостроения в русской лирической поэзии XIX-XX вв. (А. Н. Апухтин, Я. П. Полонский, А. А. Фет, Н. С. Гумилев, Г. В. Иванов, эволюция музыкальности). Самара, 1999. 193 с.
 12. Коровин В.И. Русская поэзия XIX века. М.: РОСТ, 1997. 252 с.
 13. Махов А.Е. Музыка и музыкальное в духовной культуре немецкого романтизма // История немецкой литературы: новое и новейшее время. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. С. 380-392.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель рецензируемой статьи сводится к анализу музыкальных контекстов лирики А.Н. Апухтина. Как отмечает в самом начале работы автор, «музыка в жизни и творчестве А.Н. Апухтина занимала большое место, хотя, как утверждают его биографы, поэт не очень в ней разбирался. Между тем Апухтин музицировал (есть фотография, на которой он запечатлен за роялем), постоянно бывал на музыкальных вечерах, концертах, не пропускал оперные постановки, в круг его общения входили известные музыканты и композиторы». Думается, что выбранный вектор изучения достаточно интересен, отчасти нов, продуктивен. В статье используются историко-типологический, культурно-исторический методы анализа, а также элементы биографического метода, приемы мотивного и структурного анализа. Синкретизм в данном случае приветствуется, ибо тема не может быть раскрыта полновесно только в режиме одного подхода. Стилистически текст сочинения однороден, заметно стремление автора к научному типу повествования. Например, «ранние стихи ироничны, полны бытовых подробностей и вырастают из повседневности. В первом из дошедших до нас стихотворений, адресованных Чайковскому, Апухтин выступает с позиции поэтического «мэтра». И это понятно. В то время Апухтин – подающий надежды и уже обласканный критикой молодой поэт, в нем видят чуть ли не наследника Пушкина», или «в послании другу-композитору поэт использует музыкальную терминологию – то есть говорит с ним на привычном Чайковскому языке, тот самом, на котором он обращается к людям, Богу, универсуму. И оказывается, что о жизни можно говорить и таким образом. Язык музыки используется Апухтиным как аллегория жизненного пути», или «иначе откликается Апухтин на цикл «исторических» концертов А.Г. Рубинштейна, которые состоялись в 1885-1886 гг. в России и Европе. На них была реализована глобальная цель – представлена история

развития мировой музыки. В стихотворном посвящении, сохранившемся в альбоме автографов композитора, главную заслугу А.Г. Рубинштейна Апухтин видит в том, что он сумел избежать тенденциозности, сосредоточенности на общественных диссонансах, а представил музыку как выражение общечеловеческих и универсальных ценностей, сумел передать в ней, «Что было дорого отжившим поколениям, // То, что подобно яркому лучу, // Гнетущий жизни мрак порою разгоняло, // Что жить с любовью равной помогало // И бедняку, и богачу!» и т.д. Работа имеет ярко выраженный практический характер, материал можно использовать при чтении культурологических курсов в высших учебных заведениях. На мой взгляд, иллюстрирующих тему «музыкальных контекстов в лирике Апухтина» примеров достаточно; ссылки и цитации оформлены верно. Цель исследования достигнута, наличного текстового объема достаточно. В заключительном блоке работы автор тезисует, что «музыкальная тема в творчестве Апухтина представлена не только как отклик на музыкальные события эпохи, как форма рефлексии (и в этом отношении она может рассматриваться как художественный документ эпохи), но и связана с поиском новых художественных форм, источником которых становится строй музыкального произведения». Таким образом, констатируем: работа самостоятельна, оригинальна, целостна; точка зрения автора представлена объективно, последовательно. Рекомендую статью «Музыка в лирике А.Н. Апухтина» к открытой публикации в журнале «Litera».